

Хроника научной жизни

Научный пир «“И жизнь, и смерть” в bestiарно-эмблематических зеркалах»

(РГТУ, 27–29 сентября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_389

27–29 сентября 2024 года в РГТУ прошла научная встреча «“И жизнь, и смерть” в bestiарно-эмблематических зеркалах: научный пир в честь 65-й годовщины со дня рождения Александра Евгеньевича Махова». Организаторами мероприятия выступили Институт филологии и истории РГТУ¹ и гуманитарный клуб «Intrada». Приведем фрагмент организационного письма, где объясняется формат мероприятия и очерчен круг его основных тем:

«Александр Евгеньевич Махов — ученый, известный своими трудами в области европейской и русской поэтики, эмблематики, медиевистики, средневековой христианской демонологии, поэтики и эстетики западноевропейского и русского романтизма, топики, истории русской литературы золотого века, bestiарных кодов культуры — был очень веселым, праздничным человеком. 19 августа 2024 исполняется 65 лет со дня его рождения. В честь этой даты пусть будет научный пир, где должно быть много самых разных яств, много гостей, приносящих самые разные подарки — чтобы доставить радость виновнику торжества. Подарки — это речи на пиру <...> Встреча мыслится как праздник дефиса и союза “и”. Приветствуются самые странные сближения, самые разные комбинаторные игры поэтики, риторики, топики, музыки, живописи с bestiарием и эмблематикой. Пусть будут на пиру и размышления о поэтике самого Льва, его подходе к текстам, принципах их построения».

Дата и место пира были выбраны неслучайно: в последние пятницу-субботу сентября 2011–2016 годов в Профессорской аудитории РГТУ проходили первые шесть из девяти знаменитых bestiариев, организованных гуманитарным клубом

1 Неоценимую помощь в подготовке пира оказала кафедра теоретической и исторической поэтики РГТУ, где преподавал А.Е. Махов, и прежде всего заведующая В.Я. Малкина. Это она придумала обложку для печатной программы, на которой красуются Лев и Лиса. Именно под такими именами сотрудники «Интрады» известны сетевому гуманитарному сообществу.

«Intrada»². Пир был запланирован на два дня, но заявок поступило так много, что пришлось задействовать и третий. Программа была продумана до мелочей, но жизнь, как всегда, внесла коррективы. Пир должен был открывать «львиный блок»³. Собрать всех авторов «львиных» докладов в начале первого дня не удалось — зато львиная топика пронизала все три дня, выявляя неожиданные связи и параллели между разными научными мирами. В варианте, считавшемся самым последним, было задумано «львиное кольцо» первого и последнего докладов⁴. Но судьба и тут посмеялась над планами — причем очень горько: 22 сентября, за 5 дней до пира, Ольга Лемберг, гранд-мастер Таро, чей доклад «Лев и человек в истории Таро» был замыслен как завершающий, покинула этот мир.

Несколько лет назад в хронике 6-го бестиария об атмосфере этих конференций было сказано так:

Все, кто хоть раз побывал на бестиарии, отмечают, что это совсем не похоже на строгую научную конференцию. «Особая атмосфера» <...> определяется несколькими «не» — тем, чего здесь нет. Принципиально нет секций: все слушают всех <...>. Нет долгих приветственных речей <...>. Пушкинская формула «...ум высокий можно скрыть / Безумной шалости под легким покрывалом» как нельзя лучше описывает атмосферу бестиариев⁵.

И в этот раз все было так же. Только Лев не поднимался на кафедру, чтобы выступить с докладом, а смотрел на всех входящих с экрана. Его внимательный и чуть ироничный взгляд был направлен на выступающих, и они обращались в первую очередь к нему. Присутствие Льва⁶ ощущалось всеми: цитировались его работы, вспоминались его острые слова, его «неподражательная странность» во всем. Кроме докладов-подарков были и подарки вещественные: тщательно подобранные букеты цветов, зефирный торт ручной работы, шоколадные медали. Рядом с чайным столиком — столик с книгами, выпущенными гуманитарным клубом «Intrada» — как до 21 ноября 2021, так и после.

Как всегда, был единый пиршественный словесно-визуальный поток. И — как всегда — одна ведущая. Но в этот раз ей пришлось отступить от традиции на целых 15 минут и занять внимание слушателей вступительной презентацией, напом-

-
- 2 На память о бестиариях остались 9 сборников: Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве. М.: Intrada, 2012; Бестиарий и стихии. М.: Intrada, 2013; Риторика бестиарности (RES et VERBA–3). М.: Intrada, 2014; Бестиарный код культуры (RES et VERBA–4). М.: Intrada, 2015; Бестиарий и чувства (RES et VERBA–5). М.: Intrada, 2017; Бестиарий движений (RES et VERBA–6). Тула: Аквариус, 2018; Бестиарий антитез (RES et VERBA–7). Тула: Аквариус, 2019; Бестиарий как ars combinatorica (RES et VERBA–8). Тула: Аквариус, 2020; Бестиарий ненависти (RES et VERBA–9). Тула: Аквариус, 2021.
 - 3 Это уже традиция. См.: «В ответ на лучшие дары»: Венок к 63-му дню рождения Александра Евгеньевича Махова / Сост., автор предисл. Алиса Львова; Общая редакция О.Л. Довгий, А. Львова. Тула: Аквариус, 2022; НЕДЕСЯТЫЙ: Коллективная монография по материалам международной научной конференции памяти А.Е. Махова, ИМЛИ имени А.М. Горького РАН, 8–9 ноября 2022 года / Сост., общ. ред., предисл. О.Л. Довгий. Тула: Аквариус, 2024.
 - 4 Даже в фамилиях докладчиц присутствовала «львиность»: Юлия Шустова — в девичестве Левицкая, фактически Львова, и Ольга Лемберг — в переводе «Львова».
 - 5 Довгий О. Международная конференция «Бестиарий движений. RES et VERBA VI» (РГГУ, 23–24 сентября 2016 года) // Новое литературное обозрение. 2017. № 5.
 - 6 Имя Льва для А.Е. Махова практически легитимизировано многочисленными публикациями и устными выступлениями — как автора статьи, так и коллег.

нившей о наиболее ярких моментах истории «Интрады»: ведь среди гостей были и люди, для которых это самое начало знакомства со Львом (например, первокурсники журфака МГУ).

Все произнесенные доклады ведущая предложила рассматривать как тосты на научном пиру. Широкий круг интересов Льва обусловил и разнообразие прозвучавших 52-х «тостов». Их произнесли ученые из Москвы, Белграда, Вологды, Калининграда, Пекина, Санкт-Петербурга, Ярославля — в основном добрые друзья «Интрады», «бестиарщики» со стажем.

Открыла пир *Юлия Шустова* (РГГУ/РГБ, Москва) докладом «*Образ льва в эмблематическом панегирике на смерть киевского митрополита Сильвестра Косова “Столп цнот” 1654*». Центральным персонажем доклада оказался лев — бестиарный двойник усопшего митрополита, отражающий его доблести и славы. В книге, о которой шла речь (а это одна из первых эмблематических первопечатных книг на кириллице), очень много львов: львы поддерживают столпы, на которых начертаны многочисленные добродетели Сильвестра Косова; лев борется со смертью (из его пасти вылетает рой пчел, что отсылает к библейской истории о Самсоне); шесть львят сидят на ступенях Веры, Надежды и Любви, сопровождающих душу умершего в царствие небесное (согласно Физиологу, львята рождаются мертвыми, но лев на третий день вдыхает в них жизнь). Главная мысль книги — смерти нет. Смерть — это переход в новую жизнь, которому мы должны радоваться. Поэтому львы на гравюрах изображены улыбающимися. Лев — это символ победы над смертью и воскресения. По всеобщему мнению, лучшего начала для пира в честь Льва придумать было нельзя.

Анна Герштейн (ИВИ РАН, Москва) в докладе «*Звери Апокалипсиса и словесный портрет самозванца: в поиске прототипа*» продолжила тему бестиария — но уже не божественного, а инфернального. Для грешника бестиарным двойником выступает дракон. Главным для докладчицы было выяснение роли дракона и Антихриста в конструировании образа фальшивого императора Фридриха II Штауфена в германских хрониках XIII–XIV веков. Их сопоставление с текстами Священного писания и сочинениями Отцов Церкви показало, что аллюзии к этим инфернальным персонажам были стержневыми при конструировании образа человека, который против права претендовал на власть.

Ирина Стаф (ИМЛИ РАН, Москва) продолжила бестиарную тему. Ее доклад «*Псы в средневековых описаниях “адской охоты” и в новелле Боккаччо о Настаджо дельи Онести (“Декамерон”, V, 8)*» строился на двух средневековых нарративных традициях, христианской и куртуазной, которые восходят к древнегерманскому и скандинавскому мотиву «адской охоты»: загробная кара за блуд (серия латинских *exempla* о чистилище) и загробная кара за отвергнутую любовь (впервые возникает в «О любви» Андрея Капеллана). Но в обеих группах наиболее вероятных источников отсутствуют сопровождающие охотника собаки, которые у Боккаччо упомянуты даже в *argumentum* новеллы. Вводя в повествование «двух громадных диких псов», Боккаччо отсылает к эпизоду в Лесу самоубийц «Комедии» Данте («Ад», песнь 13). При этом псы, в отличие от дантовских «голодных черных сук», действуют как реальные охотничьи собаки, превращая зрелище адских мук в назидательный спектакль для возлюбленной героя.

Татьяна Алпатова (Государственный университет просвещения РФ, Москва) в докладе «*Бестиарный мир “Россияды” М.М. Хераскова*» представила системный анализ бестиария поэмы. Херасков стремился создать «образцовую» реализацию жанровой модели эпической поэмы, и использование бестиарных кодов тоже должно было быть «образцовым». В поэме много животных, по традиции связанных с государственной и воинской символикой — лев, орел, волк, змея, конь.

Проблему вымысла в изображении Херасков решает, связав фантастический план повествования с миром татар, к которому относятся и присутствующие в поэме фантастические животные: крылатые кони и драконы (летающие «змии»), чье подробное описание отсутствует в тексте. Так бестиарный мир помогает понять творческие принципы и особенности поэтики российской эпопеи, ставшей этапом в развитии жанра на отечественной почве.

Бестиарный блок сменился эмблематическим. Но место действия трех следующих докладов осталось прежним: Россия XVIII — начала XIX веков. *Лев Трахтенберг* (МГУ) в докладе «*Эмблематика в “Пересмешнике” М.Д. Чулкова*» привлек внимание к когда-то популярному, а теперь незаслуженно забытому автору. Действие в сказочно-рыцарской части произведения разворачивается в условной Древней Руси, отчасти стилизованной под античность. Важное место здесь занимают описания зданий, церемониальных костюмов и процессий. Эти описания яркие, эффектны и, что важно, отмечены аллегоризмом. На основе анализа ряда примеров было показано, что основная функция этих образов — декоративная, а их происхождение можно связать с придворной праздничной культурой России.

В докладе *Ольги Кузнецовой* (МГУ) «*Миграция оленей с русских эмблем XVIII века*» шла речь об образе оленя в русской прикладной эмблематике. Были обозначены основные иконографические типы, сложившиеся под влиянием серий гравюр и геральдических изображений, а также собраны девизы, заимствованные из эмблематической книги и по разным причинам совмещенные с изображением оленя.

Евгений Пчелов (РГГУ/ИИЕТ РАН, Москва) посвятил доклад «*Оживление василька: басня Крылова в культурно-эмблематическом контексте*» анализу басни Крылова «Василек». Он охарактеризовал семантическое пространство образа василька в русской культуре того времени, приведя многочисленные примеры из литературы и изобразительного искусства. В результате в басне был выявлен ряд традиционных для русской поэзии мотивов, а также показаны сопоставления и противопоставления символа василька с другими символами, в том числе розы. Басня Крылова аккумулировала в себе символику василька и некоторых других природных образов в своеобразном «манифесте» благодарности императорской семье, благоволившей поэту.

Виктор Финогенов (ИНИОН РАН, Москва) докладом «*Бестиарий Г. фон Клейста и экзистенциальная катастрофа человека*» вернул течение пира в бестиарное русло. Сопоставление мира животных и мира людей было одним из наиболее распространенных приемов, при помощи которых Клейст изображал кризис человечества, вызванный крушением просветительских идеалов и последовавшей за Французской революцией историко-социальной катастрофы рубежа XVIII–XIX веков. Клейст, вступая в полемику с Кантом и Шиллером, переосмысляет традиционную оппозицию культуры и природы, а также понятие морали. Через призму эссе «О театре марионеток» в докладе была показана эволюция животных образов в его художественных произведениях, начиная от частной ситуации «Семейства Шроффенштейн» и заканчивая националистической патетикой «Битвы Арминия». Центральным образом для Клейста становится женщина, ассоциирующаяся с животным началом (Пентесилея и Кетхен из Гейльбронна, Туснельда из «Битвы Арминия»). Дегуманизация, радикальный отказ признавать ценность человеческой личности и самой жизни — один из постоянных и важнейших мотивов в творчестве Клейста.

В сообщении *Екатерины Самородницкой* (РГГУ) «*Психопатически-звездный взгляд*», или таксы В. Набокова» рассматривался образ, пронизывающий целый ряд «русских» произведений Набокова, — образ таксы. В фикциональных текстах

писателя («Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь») такса предстает грустным существом, словно намекающим на безвозвратно утраченную родину. В то же время в «Других берегах» обнаруживается гораздо более подробное описание таксы, в котором отражены ум и независимый нрав, живость и настойчивость, подвижность и легкая сумасшедшинка собаки, хорошо известные писателю. Автор делает вывод о том, что образ таксы — это всегда часть прошлого; если оно описано синхронно, элементы живого нрава сохраняются (как в «Других берегах» или «Подвиге»). Ретроспективно такса представлена как часть эмигрантской жизни (небольшая собака, которую легко взять с собой), олицетворяя собой тоску по утраченному времени.

Евдокия Нестерова (независимый исследователь, Москва) в докладе *«Цена смерти: курица и петух в сериале “Ганнибал”»* представила продолжение своих многолетних исследований сериала «Ганнибал» (NBC, 2013–2015). Анализ сцены угощения главного героя супом из китайской черной курицы в 12-м эпизоде первого сезона *Relevés* позволяет увидеть ее как образ отношений самого сериала и его зрителя. Через культурологическую символику черной курицы, к которой очевидно апеллирует антагонист, и реакцию на блюдо протагониста вскрывается разница восприятия происходящего для зрителя, погруженного в культурные смыслы, и для «профана».

Второе отделение первого дня открыл доклад Валерия Тюпы (РГГУ) *«От эмблемы к метаболе (поэтика иносказательности в Ветхом и Новом заветах)»*. С опорой на семиотические идеи Пирса докладчик провел разграничение символов на индексальные, «закрытые», и иконические, «открытые». Если первые являются эмблемами, то вторые Тюпа (вслед за М.Н. Эпштейном) предлагает именовать метаболами. Эмблематическая природа Ветхого завета была ярко раскрыта А.Е. Маховым. В Иисусовых притчах Нового завета обнаруживается иная, метаболическая иносказательность. Радикальная революция религиозной ментальности, осуществленная Христом, сопровождалась закладыванием основ новейшей (современной нам) формации дискурса, активно культивирующей метаболическую риторику.

Вероника Зусева-Озкан (ИМЛИ РАН, Москва) продолжила разговор о поэтике, обратившись к излюбленной маховской топике кладбища. В докладе *«Жанр эпитафии самому себе как “невозможный акт высказывания”»* были рассмотрены автоэпитафии поэтов античности в свете исследования генезиса постум-нарратива («посмертного» нарратива), который, в духе Р. Барта, описывался через представление о «невозможном акте высказывания» и «моменте трансгрессии». Автоэпитафии поэтов сравнивались с другими античными эпитафиями от первого лица, демонстрировалось различие в уровне их событийности, при том что нарратацию «эпитафий самому себе» докладчица представила как «риторическое развитие <...> одной-единственной глагольной формы»: «Я умер». Сравнение перволичных автоэпитафий Носсиды, Каллимаха, Мелеагра Гадарского, Леонида Тарентского, Паллада, Григория Богослова на фоне конвенций античного жанра эпитафии как такового позволило Зусевой-Озкан говорить о том, как эти авторы вполне сознательно пытаются согласоваться с этими конвенциями либо «обогнуть» их, что приводит к формированию двух типов автоэпитафий поэтов: одни не скрывают, что написаны загодя, на будущий «случай», другие же играют на приеме «говорящего мертвеца», художнически сознательно ставя задачу создать «речь (будто бы) из-за гроба».

Поэтологическую тему продолжила Елена Зейферт (РГГУ), в докладе *«Канонический жанр идиллии как исток высокого бидермейера»* предложившая, по ее словам, принципиально новое понимание идиллии как одного из истоков высокого

бидермейера. На материале лирики Аннетте Дросте-Хюльсхофф и Эдуарда Мёрике высокий бидермейер был рассмотрен в сближении с жанром идиллии. По мнению докладчицы, бидермейер, который считали эпохой, направлением, стилем, в разновидности «высокий бидермейер» на старте, можно трактовать и принципиально ново — как необычный виток в судьбе жанра идиллии и идиллического модуса.

Далее следовали два музыкальных доклада в напоминание о словесной музыке как важнейшей сфере исследований Махова. Доклад *Светланы Макаровой* (независимый исследователь, Москва) «*“Воспоминанье. Симфония первая. Патетическая” В.Я. Брюсова: роль бестиарных лейтмотивов в структуре музыкально-поэтического произведения*» был посвящен проблемам синтеза поэзии и музыки в творчестве русских символистов. Ориентируясь на музыкальную композицию, Брюсов отказывается от канонов симфонического цикла, но в рамках сонатного аллегро использует многочисленные повторы, преобразующие структуру лиро-эпической поэмы. Лейтмотивы змея и орла взаимодействуют с другими поэтическими образами и музыкальными повторами, усиливая полифоническое звучание стихотворного произведения. Поэма Брюсова позволяет осознать не только масштабность символистских экспериментов, но и глубинность системных трансформаций, которые происходят в словесном искусстве под воздействием музыки.

Дина Магомедова (РГГУ/ИМЛИ РАН, Москва) в докладе «*Символика музыкальных инструментов в поэтике Александра Блока*» рассмотрела генезис, эволюцию и роль образов музыкальных инструментов в поэтическом мире Блока. Начиная с трудов В.М. Жирмунского и заканчивая исследованиями А.Е. Махова, проблема генезиса словесно-музыкальных образов связывается с эстетикой романтизма. В докладе предложены два взаимосвязанных аспекта этой проблемы: 1) эволюция русской поэтической фразеологии, с переходом от условной символики (лира, цевница) к образам реальных музыкальных инструментов (скрипка, арфа, гитара, рояль); 2) роль живых музыкальных впечатлений в формировании сюжетов лирических стихотворений (символ «мирового оркестра», оперные мотивы (музыкальные драмы Вагнера, опера «Кармен»)). Докладчица отметила воздействие живых музыкальных впечатлений на формирование философско-эстетической концепции музыки в творческом сознании поэта.

После кофе-паузы все выступления были посвящены различным изводам бестиарной тематики. *Антон Нестеров* (МГЛУ) озаглавил свой доклад «*Джентиле де Фабриано и бестиарный символизм в “Поклонении волхвов”*». Эта работа 1423 года, хранящаяся в галерее Уффици и по праву считающаяся одной из вершин стиля интернациональной готики, весьма необычна по композиции: если на переднем плане представлены привычные для этого сюжета Мария с младенцем, св. Иосиф, трое волхвов, вол и осел при яслях, то задник изображает свиту, сопровождающую волхвов — по сути, это богатый королевский выезд, где всадников сопровождают охотничьи собаки, парды, соколы и птицы и т.д. Еще в первой половине 1970-х годов Чарльз Стерлинг обратил внимание, что стычка двух коней на этой картине, которую пытаются предотвратить грумы, — мотив, присутствующий на целом ряде картин тосканских художников XV века, рисовавших «Поклонение волхвов». По мнению исследователя, это связано с некой местной легендой, подчеркивавшей вражду, существующую между волхвами до начала их путешествия. Рождение Христа кладет ей конец. Анализ бестиарного символизма работы Джентиле де Фабриано подкрепляет эту версию: большинство зверей и птиц, представленных на картине, так или иначе ассоциируются с пороками и заблуждениями человечества, и вся мудрость древнего мира, которую олицетворяют волхвы, не способна избавить от них, и только Рождество Христово дарует человеку надежду. Антон Нестеров — участник всех бестиариев, начиная с третьего. По горь-

кой иронии судьбы, «тост» на львином пиру оказался его последним научным выступлением.

Евгения Бродская (РГГУ) в докладе *«Звериные коды в ювелирном искусстве 1870–1900-х: Рене Лалик, Arts&Crafts и другие»* рассмотрела, каким образом изменяется репрезентация женского образа в моде и ювелирном искусстве 1870–1900-х годов и какую роль здесь играют бестиарные коды. Трансформация образа женщины (например, «Женщина с крыльями бабочки, с хвостом стрекозы» Рене Жюля Лалика) связана с изменением социально-культурного контекста. Наблюдается «перекодирование смыслов», когда ювелирные украшения становятся статусным символом роскоши для «новой аристократии» и перестают передаваться исключительно по наследству.

Татьяна Бондарева-Кутаренкова (РГГУ) выступила с докладом *«Звериная дипломатия: взгляд журналистов и художников-карикатуристов русского зарубежья на международные отношения в 1920–1930-х годах»*. Тема международных отношений 1920–1930-х годов на страницах прессы русской эмиграции первой волны всегда раскрывалась с юмором — с помощью символов, отражавших тонкости европейской и мировой политики. И журналисты, и художники-карикатуристы нередко обращались к анималистическим метафорам. Некоторые державы фигурировали в текстах и карикатурах в неизменном «животном» образе (Франция — петух во фригийском колпаке, Швейцария — корова с крестом на лбу), другие имели несколько анималистических символов-воплощений (Великобритания — бульдог и лев). Для многих зооморфных образов источником послужили геральдика, вексиллология и нумизматика, в других случаях карикатуристы и журналисты обращались к уже устоявшимся карикатурным традициям изображения, в том числе вдохновляясь журналистикой и карикатурами времен Первой мировой войны. Некоторые бестиарные образы рождались благодаря персональным ассоциациям автора: так, Петр Струве в статьях о Международной экономической конференции в Женеве 1927 года сравнивал Григория Сокольникова и Валериана Осинского с лисой и волком.

Доклад Ольги Лебедевой (независимый исследователь, Венеция) *«Лагуна живая и мертвая: венецианский бестиарий»* был посвящен зооморфной образности венецианских патер и формелл, насчитывающих более тысячи сохранившихся образцов. Докладчица поделилась результатами своего многолетнего исследования бестиарного тезауруса Венеции, подкрепленного обширным фотографическим материалом, подробно рассмотрев некоторые из ста пятидесяти иконографических типов. Приведенные примеры продемонстрировали, как на протяжении столетий (с XI по XV век) посредством бестиарных образов венецианцы возводили иллюзорную преграду между жизнью и страхом смерти, создавая историю, которую исследователям еще предстоит прочесть.

Утреннее заседание второго дня тоже началось с «львиного» сообщения: Иван Миролюбов (РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва) посвятил доклад *«Львы Александра Македонского»* образу царя зверей в придворной культуре великого правителя древности. Амбивалентный образ льва, благородного зверя и жестокого хищника, позволял древним авторам обыгрывать двойственность характера самого Александра. Кроме того, лев присутствовал в нарративе о мифологических героях — Геракле (победитель Немейского льва) и Ахилле (которого Гомер называет «обладателем львиного духа», то есть отважным). Оба героя считались предками Александра, так что львиные метафоры иллюстрировали династическую преемственность.

Доклад Максима Метелева (НИУ ВШЭ, Москва) — *«Богоматерь и пантера многоцветная: одно сближение в сервентуа XIV века (из сборника “Чудес Бого-*

матери в лицах») — был посвящен другим кошачьим. Автор кратко охарактеризовал жанровую специфику лирических текстов, определяемых словом *serventou*, продемонстрировал подстрочный перевод сервентуа (MS fr. 820, fol. 25), помещенной составителем сборника «Чудеса Богоматери в лицах» (*Les miracles de Nostre Dame par personnages*) после миракля XXIV о Св. Игнатии (MS fr. 820, fol. 15–25). В данной сервентуа с Богородицей сравнивается пантера. По мнению докладчика, изучившего более ранние бестиарные тексты, которые могли потенциально повлиять на рассматриваемое произведение, подобное сравнение уникально. Метелев выделяет и аспект «многоцветности», который, несмотря на свою традиционность для образа пантеры в позднеантичной и средневековой словесности, в данном случае выступает признаком невыразимости количества и качества добродетелей, присущих Божьей Матери.

Наталья Пахсарьян (МГУ) в докладе «*Сонорная поэтика в романах XVIII века: музыка и пение*» продолжила тему музыки и слова. В романах писателей рубежа XVII–XVIII веков — Робера Шаля, Алена-Рене Лесажа — докладчица отметила внимание к описанию музыкальных инструментов, указание на пение персонажей и т.п. Особенно активно развивает эстетику сонорности Пьер де Мариво, уже в ранних сочинениях демонстрирующий редкое внимание к акустическому разнообразию изображаемого мира. При этом постепенно упоминание музыкальных инструментов отходит на второй план перед изображением звуковой картины: пение, голоса, шумы окружающей среды создают особую атмосферу в романах Мариво — от «Удивительных действий симпатии» (1712) до «Жизни Марианны» (1731–1741). Во второй половине столетия взаимодействие литературы и музыки активизируется в теоретических размышлениях и художественной практике Дидро и Руссо. В романе Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» наблюдается та же закономерность: вместо упоминания музыкальных инструментов — музыкальные экфрасисы. Своеобразие сонорной поэтики в романах XVIII века позволяет признать, что новый диалог литературы и музыки, активно происходивший в эпоху романтизма (и основательно изученный А.Е. Маховым), зародился уже в романистике века Просвещения.

Анна Архангельская (МГУ) вернула слушателей к поэтике русской литературы XVIII века. В докладе «*Жизнь и смерть тирана в поздней драматургии А.П. Сумарокова: между трагедией и комедией (Димитрий и Чужехват)*» она впервые в литературоведении сопоставила образы главных героев трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец» и комедии «Опекун». Докладчице удалось выделить ряд общих черт: финальные реплики героев похожи идейно и стилистически, в обоих случаях возникает образ ада, тема адских мук важна в обоих текстах. Обратила Архангельская внимание и на то, что в обоих пьесах герои замышляют страшные злодеяния, но в итоге оказываются единственными жертвами. Обращение Сумарокова в середине — второй половине 1760-х годов к сходным образам как в жанре комедии, так и в жанре трагедии позволяет предполагать, что он разными путями стремится показать саморазрушительность тирании и деспотии.

Елена Халтрин-Халтурина (ИМЛИ РАН, Москва) доклад «*Камин в рождественских историях Диккенса (о вещественных символах и персонификации)*» предварила пояснением: заседания Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения, где работал А.Е. Махов, проходили в Каминном зале ИМЛИ — и докладчица решила посвятить свое выступление на Львином пиру волшебству камина, жанру рождественского рассказа и вкладу Диккенса в его популяризацию. Был рассмотрен цикл рождественских повестей Диккенса, их адаптации и влияния на последующих авторов; дана краткая характеристика диккенсовского метода иносказательного изображения каминов. Особое внимание было уделено

повести «Сверчок за очагом» и ее интерпретациям в различных культурах. Не остались без внимания и параллели с Гюфманом и Шекспиром.

И снова возвращение бестиарной стихии. Елена Закрыжевская (МГУ) в докладе «*Бестиарий романа Альфреда де Мюссе “Исповедь сына века”*» перечислила разнообразные контексты, в которых писатель упоминает лис, волков, летучих мышей, крокодилов, угрей, пчел и прочих представителей фауны, обратив особое внимание на фантастические существа (сфинкс, химера, кентавр). По мнению докладчицы, анализ этих образов, зачастую отсылающих к идее роковой раздвоенности человеческой природы, помогает составить верное представление о главном герое романа и характере его нравственной болезни.

Анна Маркова (независимый исследователь, Москва), последняя аспирантка Махова, в докладе «*На пороге вечности: змей-кольцо Мирры Лохвицкой*» рассмотрела образ змеи сквозь призму понятия границы как одной из доктрин европейской культуры (Махов). Змея часто изображается способной к пересечению «межи»: она может жить на суше и в воде, а также летать по небу. В христианской символике змей является одним из основных воплощений искушителя. Все это, по мнению докладчицы, дает нам право говорить о мифологеме змеи. На материале стихотворения «Кольчатый змей» Мирры Лохвицкой Маркова проследила раскрытие мифологемы. Стихотворение разбито на две части: первая отражает точку видения женского лирического субъекта и представляется в живых алых тонах, наполненной радостью нового дня, теплом и звуками. Вторая часть соотносится с точкой видения Змея, в ней царит холод, безмолвие и вечный покой. Слова Змея «с концом свиты начала» открывают возможность визуализации уробороса. Все это позволяет заключить, что мифологема змеи как существа, пересекающего границы, в итоге трансформируется в стихотворении в символ кольца.

И снова вернулась музыкальная тема. Ольга Кулагина (МПГУ/Университет Гюстава Эйфеля, лаборатория LISAA, Париж), участница всех девяти бестиариев, посвятила доклад «*Живая и мертвая музыка Жака Превера*» изображению музыки в творчестве известного французского поэта, сценариста и драматурга. Музыка играла важную роль в жизни самого автора, и в его произведениях она является одним из центральных персонажей, причем фигурирует как живая музыка, так и мертвая. Живая музыка для Превера — это музыка природы либо музыка неклассическая, считающаяся не самой престижной, но свободная, способная возрождаться и преодолевать любые преграды. Официальная же, военная, классическая музыка предстает в творчестве Превера как мертвая, не несущая никакой радости и способная исключительно лишать людей собственной воли. В докладе были представлены основные лингвостилистические средства, репрезентирующие музыку в текстах Превера, — персонификации, парадоксы, антитезы, сенсорные метафоры и многочисленные трансформации прецедентного текста, а именно — «Марсельезы».

В докладе Евгении Лозинской (ИНИОН РАН, Москва) «*Нейтральные ангелы: об одном средневековом образе*» зазвучала важнейшая маховская тема христианской демонологии. Был дан обзор имеющихся в зарубежной науке сведений о нейтральных ангелах, не принявших сторону в восстании Люцифера против Господа. О них упоминает Данте (Ад. Песнь третья), сопоставляя с ними те души, которые прожили, «не зная ни славы, ни позора смертных дел». Были рассмотрены традиционно указываемые теологические основания этого сюжета. В качестве возможных способов вписать мотив нейтральных ангелов в католическое вероучение были упомянуты идеи Петра Оливи, Александра Гэльского, Дунса Скота и современного дантолога Дж. Фреччеро. Докладчица дала обзор литературных текстов, в которых в той или иной форме появляются или упоминаются нейтральные ангелы: «Плава-

ние св. Брендана», «Всемирная хроника» Янса дер Эникеля, «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, жеста «Эскларамонда» (XIII век), франко-итальянская поэма «Гуон из Оверни» (середина XIV века), поэма Маттео Пальмьери «Город жизни» (около 1455–1466 годов).

Бестиарная тема не давала себя забыть надолго. Ольга Федунина (ИМЛИ РАН, Москва) в докладе «*Бестиарные валентности в криминальной литературе*» поставила проблему соотношения функций того или иного зверя в разных жанрах криминальной литературы, гипотетически допускающих использование анималистических образов лишь в фиксированных позициях (помощник или дублер сыщика; преступник поневоле или орудие преступления; жертва и/или ее защитник). В качестве материала была рассмотрена «криминальная зоология» (Д. Клугер) в произведениях А. Конан Дойля, И.М. Меттера, Д. Френсиса, А. Левина, А. Пиринчи. Проведенный анализ позволил заключить, что присутствие зверя в знаковых позициях системы персонажей актуализирует авторскую игру с читателем, проверяет на прочность границы и приводит или к возможному разрушению устойчивой структуры, или к жанровым контаминациям, из которых наиболее частотна следующая: «авантюрное расследование» (термин Н.Н. Кириленко) плюс «расследование жертвы» (термин О.В. Федуниной).

Начало вечернего заседания второго дня заставило вспомнить очень важную грань маховского мира — историю и поэтику европейского романтизма. Татьяна Стерлидева (РАНХиГС, Москва) в докладе «*Поэтика незавершенности мемуарной прозы Томаса Де Квинси (на примере цикла очерков “Воспоминания об Озерных поэтах”)*» проанализировала различные виды незавершенности (смысловой, композиционной, графической) и их функций в цикле очерков «Воспоминания об Озерных поэтах» Де Квинси. Отправной точкой доклада стала глава «Незавершенное как предмет и орудие понимания» книги А.Е. Махова «Реальность романтизма», где ученый, представляя завершенность как «недостаток» романтической прозы, приводит примеры «препятствий», которые эта завершенность способна породить в восприятии мира и во взаимодействии читателя с подвижной, живой, волнующей романтической культурой. Незавершенность у Де Квинси помогает определить, каким образом строится художественный текст романтика и какие размышления и диалоги он хочет инициировать с читателем и с самим собой. Являясь одним из главных рабочих инструментов Де Квинси, незавершенность создает оригинальный, звучащий, живой и провокационный текст романтических мемуарных очерков.

Михаил Рогов (Центр иконографических и визуальных исследований (CIVIS) фонда «Новое искусствознание»/Государственный университет «Дубна», Москва) посвятил доклад «*“Эмблема” вожделения в финальной сцене с Мартышкой в “Сталкере” Андрея Тарковского и картина “Фрукты” Поля Гогена с девушкой с “лисыным” лицом: интервизуальность?*» анализу интервизуальности финальной сцены фильма «Сталкер» (1979) Андрея Тарковского как своего рода «эмблемы» вожделения, выраженной интермедияльными художественными средствами кинематографа и предполагаемого визуального источника — картины-предостережения Поля Гогена «Фрукты» (1888, ГМИИ имени А.С. Пушкина, Москва). В финальной сцене фильма больная дочь заглавного героя Мартышка в имитирующем длинные волосы золотистом платке двигает взглядом стаканы и банку по столу, пока за кадром звучит стихотворение Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...» (1836), в котором поэт описывает чувства, вызывающие «*угрюмый тусклый огонь желанья*». Хотя Тарковский придумал сцену со стаканами после просмотра одного из фильмов с демонстрацией «телекинеза» Нинель Кулагиной, рассказ игравшей Мартышку Натальи Абрамовой свидетельствует, что режиссерский замысел мог хотя бы отчасти следовать некому визуальному паттерну, подобно финальным эпи-

зодам других фильмов Тарковского. В случае с финальной сценой «Сталкера» речь может идти о картине-предостережении Гогена «Фрукты», посвященной Шарлю Лавалю, на которой девушка с «лисыим» лицом, подперев подбородок рукой, глядит с вожделением, как на блюда со спелыми фруктами. Она интерпретируется как образ, «выражающий дьявольские и похотливые, воплощающие запретные сексуальные желания, ощущения, что девочка физически притягивает посуду с плодами лишь одним своим взглядом». У Тарковского финальная сцена «Сталкера» полна сочувствия к Мартышке и является своего рода «эмблемой» вожделения, предостерегающей зрителя и проясняющей глобальный посыл кинокартины.

Следующий доклад «Зимородок, неясить, скопа и другие: названия птиц, связанные с легендами о них» хоть и был посвящен бестиарию, но отличался от всех прочих: его автор — Павел Квартальнов (МГУ) — зоолог. Речь шла о происхождении современных орнитонимов. Слово «скопа» («скопец») появилось не позднее XIV века, заменив раннее «ломикост»; оба названия связаны с европейской традицией истолкования птицы *ossifraga* из трудов Плиния Старшего как скопы: эта птица, по Плинию, или сама имеет гибридное происхождение, или воспитывает гибридное потомство других пернатых хищников. Слово «неясить» (то есть «ненасытный») исконно обозначало пеликана, однако употребление этого орнитонима в 101-м псалме («уподобихся неясити пустынной») дало повод академику И.И. Лепехину трактовать его как название совы в Словаре Академии Наук Российской (т. IV, 1793). Трактую слово «неясить» как обозначающее аиста (в известных бестиарных рассказах), Максим Грек (XVI век) называл эту птицу «стерх» (с немецкого *Storch*), а описывал как «белого журавля», что привело в дальнейшем к использованию орнитонима «стерх» для белого журавля. Птица «алкион» в древнерусской литературе трактовалась как легендарная, и только знакомство с трудами европейских естествоиспытателей в XVII–XVIII веках позволило связать античные рассказы о ней с реальной птицей, получившей название «зимородок» («зимород») из-за представлений о гнездовании алкиона на море в зимние месяцы. Доклад вызвал множество вопросов, суждений, параллелей. Ведущая заметила, что присутствие зоолога с его естественно-научным взглядом, отличным от взглядов филологического большинства, — добрая традиция на бестиариях. В порядке иллюстрации движения образов в культуре ведущая продемонстрировала эмблему Габриэля Ролленхагена *Mediis tranquillis in undis* из только что вышедшей новой книги А.Е. Махова «Эмблематика: микрокосм», где свивший гнездо на скале среди бурного моря зимородок выступает символом стоического мудреца.

Ярослава Муратова (Литинститут имени А. М. Горького, Москва) своеобразно продолжила «птичью» тему в докладе «Павлин и виноградная лоза, север и юг, текстиль и свет в эссе А.С. Байетт “Павлин и виноградная лоза”». В 2016 в книге «Павлин и виноградная лоза» вышло эссе Байетт о творчестве двух великих художников-дизайнеров рубежа XIX–XX веков — Уильяма Морриса и Мариано Фортунни. Разные по своему культурному коду художники объединены у Байетт эмблемами павлина и виноградной лозы. Павлин на золотом фоне с виноградными гроздьями на обложке книги является фрагментом алтарного плата, производством которого занималась мастерская Морриса. Байетт обращает внимание на христианско-религиозный аспект этих эмблем (павлин издревле считался солярной и царственной птицей, символизирующей воскресение и бессмертие). В таком значении он появляется на картинах Возрождения рядом с Христом (Ханс Мемлинг. Страсти Христовы. 1470–1471) или св. Иеронимом (А. да Мессина. Св. Иероним в кабинете. 1474). По мнению докладчицы, с учетом христианского контекста, в котором эмблемы павлина и виноградной лозы представлены на обложке, Байетт видит в павлине и виноградной лозе знаки бессмертия искусства.

Птичья тема не могла не соприкоснуться с темой музыки. Именно это произошло в докладе «*Вороны-ноты в рассказе С. Кржижановского “Девять ворон”*» *Полины Казариновой* (РГТУ). В анализируемом рассказе докладчица увидела последовательное сопоставление условной объективной реальности и того, что видит внутренним оком композитор, обладающий субъективно-воображаемой внутренней точкой зрения, которая является проявлением музыкальной оптики. Процесс сочинения мелодии накладывается на реальность, трансформируя столбы с проводами и сидящими на них воронами в нотный стан с тактами и располагающимися на них нотами. Толчком к этому образу стали вороны, сидевшие на высоте в соответствии с музыкальной логикой мелодии и пробудившие воображение композитора.

Алексей Зимин (МГУ) перевел внимание с птиц на других представителей фауны, продолжив в докладе «*Интерпретация романа В.В. Набокова “Приглашение на казнь” сквозь призму бестиарных кодов*» уже звучавшую тему бестиария Набокова. Докладчик отметил, что его анализ построен в соответствии с методикой отечественной бестиарной школы А.Е. Махова и О.Л. Довгий и представляет собой попытку установить, как из столкновений «бестиарных зеркал» (Довгий) персонажей формируются смыслы произведения. Из многочисленных зверей в романе ключевыми являются бабочка, символизирующая бессмертную душу главного героя Цинцинната Ц., которой предстоит вырваться из абсурдного марионеточного мира; воплощающий этот мир и жаждущий поглотить Цинцинната паук, оказавшийся в финале романа искусственным; обезьяна — символ греха, хитрости, коварства и бестиарное зеркало, объединяющее Марфиньку и Эммошку; бульдог как главное бестиарное зеркало палача мсье Пьера, потерпевшего неудачу в противостоянии бульдога-охотника и его жертвы; наконец, многочисленные образы рыб, как *in bono*, так и *in malo*.

Римма Петрова (ФГБУН «Вологодский научный центр РАН») в докладе «*Бестиарий русскоязычного фанфикшена по “Гарри Поттеру”*» обратилась к миру «фанатских текстов». Проведенное исследование позволило ей заключить: в проанализированных сочинениях роль животных не сводится только к роли волшебного помощника. Изображенные в фанфикшене звери помогают, по Мафальде Стази, воплотить функцию концентрации смысла. Бестиарий используется фикрайтерами для воссоздания средневековой атмосферы гепталогии Дж.К. Роулинг, увеличивает смысловую наполненность текста. Появление зверей в фанатских произведениях способствует проявлению такой черты фанфикшена, как *fix-it* — желание фаната «исправить», по его мнению, несправедливые происшествия, изображенные в каноне.

В конце второго дня была запланирована презентация коллективной монографии «*НЕДЕСЯТЫЙ*»⁷. Времени на это мероприятие практически не осталось — но ведущей удалось, как заметили участники, показать мастер-класс, уложив презентацию в 7 минут. Многие авторы книги были в числе выступавших на научном пире — все это давний «бестиарный круг» «Интрады».

Третий — воскресный — день пира был полностью дистанционным. Переключение между научными мирами происходило еще быстрее, чем в первые два дня. Начался день — как и предыдущие два — с «львиного» доклада. В основу сообщения *Ирины Антанасиевич* (Белградский университет, Сербия) «*Львы и...: мифические лики Королевства Югославия*» была положена идея Вальтера Беньямина, возвестившего о начале «эры механического репродуцирования», об «эстетизации политики» в XX веке. Выступление было задумано как иллюстрация этого

7 НЕДЕСЯТЫЙ: Коллективная монография по материалам международной научной конференции памяти А.Е. Махова, ИМЛИ имени А.М. Горького РАН, 8–9 ноября 2022 года / Сост., общ. ред., предисл. О.Л. Довгий. Тула: Аквариус, 2024.

положения на примере зооморфных образов, которые входят в городской текст Белграда. Цель сообщения — показать, как официальная идеология использовала различные «визуальные нарративы», конструируя «ментальный универсум» общества, создавая свой визуальный язык, работающий на глубинных («довербальных») уровнях массовой психологии; как один образ, обладающий своей архаичной символикой, стал идеологическим оружием, создавая смыслы, которые «концептуализировали реальность», внедряя в массовое сознание своего рода «официальное воображаемое». В докладе были рассмотрены бестиарные образы, представляющие собой идеологическую составляющую новой национальной идентичности, — льва, грифона, кентавра и сфинкса.

Далее произошел очередной поворот в сторону эмблематики. В докладе *Евгения Данилова* (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль) «*Коронованный порткулис и другие эмблематические воплощения лозунга securitas altera*» было прослежено распространение эмблемы венценосной герсы, даны возможные объяснения значения лозунга «другая безопасность» и представлены альтернативные варианты визуальной передачи указанного девиза.

Татьяна Артемьева (РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург) в докладе «*Географические образы в российских эмблемах XVIII века*» повела речь о географической символике, часто встречающейся в российских эмблемах XVIII века в виде изображения условной карты России. Иногда проекция этой карты совмещалась с изображением «земного глобуса» как в эмблеме «Бог» (Эмблемы и символы избранные, напечатанные и исправленные Нестором Максимовичом-Амбодиком, 1788). Одним из устойчивых символов было изображение Петра I — чаще в его мифологическом воплощении Атласа/Геркулеса, держащего на плечах земной шар. Географическая символика связывала государственную идентичность с системой космологических и географических координат, то есть с пространством и уникальными размерами страны. Был проанализирован ряд примеров эмблематических «мемов», использующих географическую символику, и показана их актуальность в современной культуре.

Ольга Довгий (МГУ) в докладе «*Голоса новой львиной “Эмблематики”*» предложила неожиданный способ чтения только что вышедшей второй части эмблематической дилогии А.Е. Махова — сквозь призму голосов персонажей эмблем. Махов не устал повторять, что эмблема — жанр дидактический. Большинство эмблематистов были преподавателями вузов и стремились сделать свои эмблемы обучающим инструментом. Набор основных идей эмблематики не богат (это свод общеморальных истин), но разнообразие способов выражения, метафорических кодов, парадоксальных поворотов не знает предела. В новой книге Махова слышны голоса не только людей (например, человека, подпиливающего мост, на котором он стоит, символизирующий общечеловеческую глупость), но и животных (горноста, носорога, предпочитающих смерть позорной жизни); растений (орехового дерева, погибающего из-за того, что было слишком плодовито); вещей (перевернутого факела, погибающего от того же воска, что питал его; брошенного мячика, который неизменно поднимается, давая пример человеку). В эмблематике весь мир дает человеку уроки — и Махов показывает, что драматургические приемы тоже входят в число дидактических средств эмблематистов.

Анастасия Голубцова (ИМЛИ РАН, Москва) выступила с докладом «*“Путешествие по Италии” де Сада глазами искусствоведа и филолога*», посвященным готовящемуся изданию путевых записок де Сада времен его путешествия по Флоренции, Риму, Неаполю и своему опыту комментирования данного текста. Идея комментированного издания «Путешествия по Италии» принадлежала известному искусствоведу А.В. Ипполитову, и потому первоначально комментарий должен

был носить преимущественно историко-искусствоведческий характер. После безвременной смерти Ипполитова автор доклада была приглашена завершить его труд и, будучи филологом-итальянистом, дополнила справочный аппарат книги литературным контекстом — разъяснением литературных аллюзий, цитатами из упоминаемых де Садом произведений, изложением мифологических сюжетов. Сочетание исторического, искусствоведческого и филологического комментария позволит современному широкому читателю воспринять текст де Сада стереоскопически: как человеку XXI века, вооруженному современными научными данными, — и как образованному современнику автора дневников, обладающему необходимыми познаниями в истории и литературе.

Владимир Коровин (Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР/МГУ) в докладе «Бестиарии Федора Глинки» обратился к поэмам «Карелия» и «Иов», где изображаются «пустыни». В первой из них бестиарий подчинен природоописательным целям, но некоторые образы выполняют и символические функции: напоминают, что пустыня — место обитания дьявола. В прологе к «Иову» бестиарий аравийской пустыни преимущественно символичен: животные делятся на две группы, соотносимые с безнаказанными грешниками (лев со своим «услужником» шакалом, гиена, змея, страус и др.) и безвинно страдающими праведниками (серна, горлица, пеликан). В позднейших поэмах Глинки — «Видение Макария Великого», «Таинственная капля» — стремление к символизации и систематизации бестиария обнаруживается не менее отчетливо.

В докладе Николая Подосоковского (ИМЛИ РАН, Москва) «*“Русская история” С.М. Соловьева в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”*»⁸ впервые в литературоведении был рассмотрен вопрос о влиянии исторических трудов С.М. Соловьева на творчество Достоевского. На материале романа «Идиот» Подосоковский исследовал присутствие «Русской истории» Соловьева в художественном мире Достоевского как книги в книге. Ученым доказывается, что один из главных героев произведения, Рогожин, на самом деле читает не «Историю России с древнейших времен», как полагали комментаторы первого и второго изданий академического Полного собрания сочинений Достоевского, но однотомную «Учебную книгу русской истории» того же автора, впервые опубликованную в 1859–1860 годах и к моменту выхода «Идиота» выдержавшую семь изданий.

Владислав Дегтярев (Санкт-Петербургская академия художеств) в докладе «Новые чудовища: машины и звери в XX веке» показал, что модернизм порывает с телесностью ордерной архитектуры, стремясь уподобить здание механизму. Однако в XX веке существуют направления архитектуры, не отказывающиеся от классических форм, но трактующие их нетрадиционным и неожиданным образом. Эта архитектура ориентируется на чудовищную телесность, которая характеризуется нерегулярностью частей, их избыточностью и часто — разнородностью. Но если чудовище, соединяющее в себе части человека и зверя (или разных зверей), представляет собой аномалию в мире живых организмов, то для механических устройств такой способ возникновения вполне нормален. Таким образом, чудовище и машина как источники новой архитектуры в каком-то смысле оказываются идентичны, по крайней мере — в противостоянии человеческому.

Юлия Патронникова (ИМЛИ РАН, Москва) доклад «Три дантовских зверя в “Божественном мимесисе” Пьера Паоло Пазолини» посвятила художественным функциям бестиарных образов в творчестве Пазолини. Три зверя (рысь, лев и волчица) в тексте «Божественный мимесис» (1963–1975), задуманном Пазолини как

8 Подготовлен по гранту РФФ: «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» (№ 23-28-00258).

«аналогичное дантовскому видение», предстают своего рода аллегориями пороков современной Пазолини действительности 1960-х годов (рысь-иллюзия, лев-гордость, волчица-конформизм), не чуждых и самому автору.

Ольга Солохина (независимый исследователь, Санкт-Петербург) в докладе «Обратимость смерти в бестиарной символике серии декоративных панно Л.С. Бакста “Спящая красавица” 1913–1922 годов» сфокусировала внимание на том, что художник, отказавшись от контекста эпохи Людовика XIV, создал собственную версию волшебной истории с ярко выраженной поэтикой рыцарства, восходящей к средневековым нарративам, где в центре повествования находился не сон, но смерть красавицы. Двух фей традиционно относят к доброму и злему началу. Однако благодаря анализу амбивалентной символики бестиарных мотивов (полотна изобилуют изображениями животных и птиц, фантастических и вполне реальных), посредством которых художник дал визуальные ключи к пониманию контекста волшебной истории о преодолении грани между жизнью и смертью, Солохина приходит к выводу, что Доброй и Злой феи могут быть названы лишь условно, поскольку по сути они составляют одно и то же двуединое начало, функционирующее вне рамок этических категорий.

В докладе Виктории Малкиной (РГГУ) «“Праздник зеленого цвета”: звук и цвет у А. Тарковского и Ю. Левитанского» были проанализированы и сопоставлены друг с другом два стихотворения: «Был домик в три оконца...» Арсения Тарковского (1976) и «Сентябрь. Праздник зеленого цвета» Юрия Левитанского (1981). Оба произведения строятся вокруг зеленого цвета, который оказывается воплощением необычного и чудесного. Визуальные образы в них соотносятся с аудиальными: музыкой и пением у Тарковского и звуками грозы и дождя у Левитанского. Еще один важный общий аспект — это ритмическая и звуковая организация, позволяющая говорить о трансмузыкальном, в терминологии А.Е. Махова.

Финальные выступления были посвящены авторским бестиариям. Данила Давыдов (ГАУГН, Москва) представил доклад «“...я так думаю, мои зверюшки относятся к стратегии новой антропологии” (Дмитрий А. Пригов и трансгуманизм)». В теоретических построениях Пригова и связанной с ними художественной практике особое место занимает транс(пост)гуманистическая проблематика. Среди работ Пригова-художника выделяются «монстрологические» опыты (цикл «Бестиарий»), в которых происходит трансформация реальных прототипов в неких воображаемых химерических существ. Цикл «Новая антропология» и ряд текстов (как поэтических, так и манифестарных), примыкающих к нему, представляет собой развитие принципиальной для Пригова идеи возможной трансформации человека. По мнению докладчика, «Новая антропология» подразумевает «новое чувствование», «новую субъектность» и т.д.

Людмила Сабурова (ИМЛИ РАН, Москва) в докладе «Бестиарные образы в автобиографической книге Эдженю Монтале “Динарская бабочка”» рассказала о книге лауреата Нобелевской премии по литературе 1975 года Эдженю Монтале, населенной фантастическими животными. Домашние животные выступают как соавторы писателя, что придает автобиографическому повествованию ироничный тон. Животные не только сопровождают автора на жизненном пути, но и подсказывают важные решения (зарисовка «Реликвии»). Часто домашние животные помогают ему вспомнить некогда встреченных людей («На пляже»), а в зарисовке «Лимит времени» любимые в детстве осел и собака становятся проводниками автора в мире ином.

Мария Белей (БФУ имени И. Канта, Калининград) в докладе «Бестиарий постмодернизма и его реализация в творчестве Бернара Вербера» представила краткий экскурс в бестиарий французского постмодернизма на примере «философской фантастики» или, по определению докладчицы, постмодернистского «витроро-

мана» Вербера, выделив три основные группы бестиарных образов в соответствии с теорией мирового древа: существа хтонические, земные и водные, небесные. Автор наделяет каждый из образов аллегорическими интертекстуальными отсылками к произведениям мировой культуры и философии.

В заглавии доклада *Светланы Зиминой* (независимый исследователь, Санкт-Петербург/Сан-Франциско), ставшего заключительным, сошлись оба основных «зеркала» из названия пира: «*Миры Нарнии*, “*пещера Арктиды*”, *бестиарии и эмблематика современного льюисоведения*». И доклад оказался «львиным». Предметом сообщения стали книжные иллюстрации Паулины Бейнесс к текстам Льюиса. Несмотря на то, что сам Льюис не всегда высоко оценивал творчество Бейнесс (по его словам, она «просто не могла рисовать львов»), аллегорические изображения зверей (в основном львов) с человеческой мимикой и жестами, а наряду с ними — христианская топография и книжная премудрость — от «Пятикнижия Моисея» до восточно- и западноевропейских христианских сочинений прочно вошли не только в текст Нарнии, но и в сознание современного читателя. Финальной точкой доклада и всего пира стала демонстрация Зиминой изображений льва с человеческим лицом из книг А.Е. Махова. Эти львы срифмовались с улыбающимися львами из первого доклада, доказывающего нам, что смерти нет. Так — верой в победу над смертью и воскресение — замкнулось львиное композиционное кольцо пира.

Видеозаписи всех докладов доступны на странице события в социальной сети «ВКонтакте»⁹. Коллективная монография по материалам встречи будет представлена на Третьем Львином пире в последние пятницу-субботу сентября 2026 года.

Ольга Довгий

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Всероссийская конференция «XVI Мелетинские чтения» (ИВГИ РГГУ, 22–23 октября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_404

СЕКЦИЯ ИВГИ ИМЕНИ Е.М. МЕЛЕТИНСКОГО

Заседание секции открыл директор ИВГИ Сергей Серебряный докладом «Переводы слова “миф” на неевропейские языки». Докладчик, профессиональный востоковед, задался целью рассмотреть вопрос о применимости европейских понятий за пределами западного мира. В советское время западные литературные и философские понятия без всякой рефлексии легко прилагались к незападной словесности. Между тем их всеобщая применимость совсем не очевидна; докладчик вспомнил услышанное в частном разговоре с выдающимся медиевистом Ароном Гуревичем мнение, что, например, категория «Средние века» с трудом приложима

9 Научный пир в честь 65-го дня рождения Льва (URL: <https://vk.com/club224779589>).